

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216

Научная статья / Research paper

Ван Юйфэй*

ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В современном мирополитическом контексте резко возрастает стратегическая значимость различных форм межрегионального сотрудничества. Для их осмысления в исследованиях международных отношений часто используется теория интеррегионализма, которая, обладая значительным эпистемологическим потенциалом, в то же время отличается ярко выраженным европоцентризмом: ее концептуальное ядро и эмпирическая база основываются на анализе опыта взаимодействия ЕС или европейских стран с другими региональными организациями / группами государств. В этой связи естественным образом встает вопрос, в какой мере принципы и положения данной теории релевантны для изучения политики незападных акторов? Чтобы ответить на него, автор предлагает применить теорию интеррегионализма для анализа 25-летней истории экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии (ЦА). В первых разделах статьи прослеживается развитие теоретических исследований феномена интеррегионализма, выявляются его ключевые разновидности и функциональные аспекты. На этой основе далее автор обращается к рассмотрению эволюции китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества с начала XXI в. Показано, что с точки зрения теории интеррегионализма в истории этого сотрудничества можно выделить три этапа. В рамках первого этапа (2001–2012) Китай пытался формировать институциональные интеррегиональные экономические отношения на базе Шанхайской организации сотрудничества с участием не только стран ЦА, но и России. Иными словами, применительно к этому этапу речь должна идти не столько о китайско-центральноазиатском,

* Ван Юйфэй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: wyfempire@gmail.com).

сколько о китайско-евразийском квазиинтеррегиональном взаимодействии. Второй этап (2013–2022) характеризовался усилиями КНР по выводу китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества на трансрегиональный уровень за счет прежде всего активного вовлечения стран ЦА в реализацию инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Третий этап (2022 — н.в.) связан с началом специальной военной операции России на Украине, которая побудила КНР в целях митигации политических и экономических рисков вернуться в своей политике в отношении стран ЦА к принципам квазиинтеррегионализма, но уже без участия Москвы. Таким образом, проведенное исследование не только показало применимость положений теории интеррегионализма к изучению деятельности незападных акторов, но и позволило под новым углом взглянуть на конкретный кейс такого межрегионального взаимодействия — китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество. В то же время очевидна необходимость дальнейшего совершенствования методологии интеррегиональных исследований для их лучшей адаптации к различным незападным контекстам.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Россия, трансрегионализм, интеррегионализм, регионализм, региональная интеграция, региональное сотрудничество, «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: Ван Юйфэй. Интеррегиональная политика КНР на примере китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 187–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216.

Wang Yufei

**PRC'S INTERREGIONAL POLICY:
A CASE STUDY OF SINO-CENTRAL ASIAN
ECONOMIC COOPERATION**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Various forms of interregional cooperation are of increasing strategic importance in the contemporary global political context. To conceptualize them, IR scholars often employ the theory of interregionalism. While possessing significant epistemological potential, it is characterized by pronounced Eurocentrism. Its conceptual core and empirical foundation are based on the analysis of the interactions of the European Union or European countries with other regional

organizations/groups of states. This naturally raises the following question: to what extent are the principles and implications of this theory relevant for studying the policies of non-Western actors? To answer this question, the author applies the theory of interregionalism to an analysis of the 25-year history of China's economic cooperation with Central Asian (CA) countries. First, the author traces the development of theoretical research on the interregionalism phenomenon, identifying its key types and functional aspects. Building on this, the author examines the evolution of Sino-Central Asian economic cooperation since the early 21st century and distinguishes three stages in its development. The first stage (2001–2012) saw China attempt to form institutionalized interregional economic relations based on the Shanghai Cooperation Organization, involving not only CA countries but also Russia. In other words, for this stage, it is more accurate to speak of Sino-Eurasian quasi-interregional interaction rather than strictly Sino-Central Asian. The second stage (2013–2022) was characterized by China's efforts to elevate Sino-Central Asian economic cooperation to a transregional level, primarily through the active involvement of CA countries in the implementation of the Silk Road Economic Belt initiative. The third stage (2022–present) is associated with the beginning of Russia's special military operation in Ukraine, which prompted China to return to the principles of quasi-interregionalism in its policy toward CA countries, though now without Moscow's participation, in order to mitigate political and economic risks. Thus, this study not only demonstrates the applicability of the interregionalism theory to the study of non-Western actors but also provides a fresh perspective on a specific case of such interregional interaction — Sino-Central Asian economic cooperation. At the same time, there is a clear need to further refine the methodology of interregional research to better adapt it to various non-Western contexts.

Keywords: China, Central Asia, Russia, transregionalism, interregionalism, regionalism, regional integration, regional cooperation, Belt and Road Initiative, Shanghai Cooperation Organization

About the author: Wang Yufei — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: wyfempire@gmail.com).

For citation: Wang Yufei. 2025. PRC's interregional policy: A case study of Sino-Central Asian economic cooperation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 187–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-187-216. (In Russ.)

Межрегиональное сотрудничество — отнюдь не новый феномен в международных отношениях. Еще в июле 1963 г. Европейское экономическое сообщество заключило Яундскую конвенцию

с 8 африканскими государствами, направленную на содействие двусторонней торговле. Этот документ рассматривается как один из первых институциональных механизмов взаимодействия двух регионов. Однако систематическое изучение и теоретизация практики межрегионального сотрудничества начали привлекать внимание академического сообщества лишь на рубеже XX–XXI вв.

Некоторые исследователи полагают, что интеррегионализм (*interrregionalism*) способен выступить мостом для диалога между усиливающимися процессами глобализации и регионализации. Ф. Бэрт рассматривает интеррегионализм как «уникальную модель глобального управления, основанную на региональном принципе» [Intersecting interregionalism..., 2014: 181]; М. Райтерер акцентирует внимание на том, что интеррегионализм способствует решению проблем на региональном уровне и содействует региональному управлению [Reiterer, 2006: 240]. Ученые в целом оптимистично оценивают перспективы интеррегионализма как нового уровня и важной составляющей развивающейся системы глобального управления [Doidge, 2011: 16].

В данном контексте широкое освещение в академических кругах получили концепция, типология, функционал и перспективы интеррегионализма [Чжэн, 2014: 92]. Однако большинство эмпирических исследований в указанной сфере базируются на анализе взаимодействия ЕС или европейских стран с другими региональными организациями / группами государств. Например, в главе об интеррегионализме и трансрегионализме Оксфордского справочника по сравнительным региональным исследованиям около 80% цитируемой литературы непосредственно связано с Европой [см. подробнее: Ribeiro Hoffmann, 2016].

Данное обстоятельство отражает устойчивую европоцентричную ориентацию в исследовательском поле интеррегионализма, что закономерно побуждает поставить следующие вопросы:

- 1) каким образом неевропейские акторы международных отношений продвигают собственную практику интеррегионализма?
- 2) сохраняют ли основные функции интеррегионализма свою актуальность в интеррегиональных отношениях при исключении европейского участия?

Отсутствие эмпирических исследований на указанных направлениях ставит под сомнение универсальность существующих теоретических конструкторов интеррегионализма. Учитывая изложенное,

автор предпринимает попытку ответить на поставленные вопросы посредством анализа процесса экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии (ЦА) через призму теории интеррегионализма. Выбор китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в качестве предмета исследования обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, Китай рассматривается как один из наиболее типичных и влиятельных незападных акторов международных отношений, одновременно являясь активным инициатором развития современных механизмов межрегионального сотрудничества. На сегодняшний день Пекин уже учредил формальные механизмы такого взаимодействия с государствами Африки, Океании, Ближнего Востока, Латинской Америки и Центрально-Восточной Европы. Таким образом, китайская политика и практика в сфере межрегионального сотрудничества могут служить репрезентативным кейсом для изучения того, как незападные акторы иницируют и возглавляют процессы интеррегионализма.

Во-вторых, в эмпирических исследованиях данной сферы ЦА и весь Евразийский регион остаются периферийными объектами научного внимания, что контрастирует с их возрастающей ролью в современном межрегиональном сотрудничестве. Помимо взаимодействия с Китаем страны ЦА недавно создали форматы «C5+1» с ЕС, США и Японией [Сюй, 2024: 123]. В данном контексте возникает необходимость системного анализа интеррегиональных практик с участием государств ЦА, что позволит восполнить существующий академический пробел.

Статья начинается с обсуждения теоретических основ интеррегионализма и его ключевых функций. Затем, опираясь на данный теоретический задел, автор анализирует историю развития экономического сотрудничества между Китаем и ЦА с начала XXI в., чтобы определить характерные особенности практик китайского интеррегионализма и верифицировать объяснительную способность теории интеррегионализма в отношении интеррегионального сотрудничества без участия Европы.

Интеррегионализм и трансрегионализм: концептуальные аспекты

Интеррегионализм как результат последних теоретических изысканий в области осмысления феномена регионализма до сих пор не

получил единого концептуального определения в академических кругах. Б. Хеттне одним из первых предложил дефиницию понятия «интеррегионализм». По мнению ученого, под этим феноменом следует понимать «институционализированные и формальные отношения между различными регионами или группами государств из разных регионов» [Hettne, 2003: 8]. При этом Б. Хеттне подчеркивал, что основным критерием для определения этого понятия является наличие у региона сильной политической активности. Другими словами, субъект интеррегионализма должен обладать постоянной структурой принятия решений и дееспособностью, или высокой акторностью (*actorness*)¹ [Hettne, 2004: 9]. С точки зрения данного определения Европейский союз, будучи наиболее развитым региональным интеграционным объединением в мире, можно рассматривать в качестве идеального субъекта для реализации практики интеррегионализма. Формальные отношения, установленные между ЕС и другими региональными объединениями с высокой степенью интеграции, такими как МЕРКОСУР² и АСЕАН³, представляют собой наиболее яркие примеры интеррегионализма в современной международной практике.

Однако необходимо отметить, что подобный подход к определению интеррегионализма имеет ярко выраженный европоцентричный характер, поскольку практически ни один регион, группа региональных государств или региональная интеграционная организация не обладает такой же степенью акторности и постоянной структурой

¹ Концепция региональности (*regioness*), впервые предложенная Б. Хеттне и Ф. Содербаумом, представляет собой аналитическую рамку и сравнительный инструмент для понимания процессов конструирования и консолидации регионов через призму региональной сплоченности и коммунитаризации. Данная концепция включает следующие таксоны: региональный социальный комплекс, региональное общество, региональное сообщество, институционализированная региональная политическая общность, региональная акторность. Под региональной акторностью (*regional actorness*) понимаются способность региона влиять на внешний мир и его роль в глобальных трансформациях [см. подробнее: Söderbaum, 2016].

² МЕРКОСУР (от исп. MERCOSUR — El Mercado Común del Sur) — крупнейшее интеграционное объединение в Южной Америке, включает Аргентину, Боливию, Бразилию, Венесуэлу (членство приостановлено в 2016 г.), Парагвай и Уругвай. — *Прим. ред.*

³ АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (от англ. ASEAN — Association of South East Asian Nations) — региональная межправительственная организация, включает 11 стран: Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. — *Прим. ред.*

принятия решений, как ЕС. В связи с этим межрегиональные отношения без участия Европы или Евросоюза были исключены из области исследований интеррегионализма, что значительно ограничило академическую ценность этого теоретического подхода.

Более того, такое определение с течением времени становилось всё менее релевантным для описания межрегиональных взаимодействий даже между ЕС и неевропейскими регионами. Например, в 1990-е годы Брюссель опубликовал новые азиатскую и китайскую стратегии⁴, пытаясь параллельно развивать сотрудничество как с конкретным регионом, так и с отдельными региональными державами. Таким образом, можно утверждать, что определение Б. Хеттне уже не в полной мере охватывает всё многообразие практических моделей межрегионального сотрудничества в международных отношениях. В этой связи исследователи регионализма предложили серию определений с более широким концептуальным охватом, в то время как дефиницию Б. Хеттне целесообразно рассматривать в качестве «идеального типа» теории интеррегионализма.

Более распространенное в настоящий момент определение межрегионального сотрудничества [Кузнецов, 2016: 15] было предложено Ф. Содербаумом и Л.В. Лангенхуве: «условие или процесс становления связей между двумя регионами» [Söderbaum, Langenhove, 2005: 251]. В свою очередь Х. Хэнгги трактует интеррегионализм в широком смысле как «институционализированные отношения между региональными организациями, государствами или группами государств из двух или более международных регионов» [Hänggi, 2006: 42]. Его позиция нашла поддержку у китайского ученого Чжэн Сянью, который определяет интеррегионализм как «практический процесс институционализированного сотрудничества между различными субъектами (государственными и негосударственными) из двух или более международных регионов» [Чжэн, 2015: 68]. Включив в аналитическую рамку негосударственных акторов, суверенные государства и более рыхлые группы стран в качестве потенциальных субъектов межрегионального взаимодействия, представлен-

⁴ Communication from the Commission — A long term policy for China-Europe relations // Publications Office of the European Union. 05.07.1995. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0bcbc1c7-2c78-4bba-a027-f67035eeac4f> (accessed: 25.11.2025); Communication from the Commission to the Council towards a new Asia strategy // EUR-Lex. 13.07.1994. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A51994DC0314> (accessed: 25.11.2025).

ные дефиниции существенно расширили исследовательское поле интеррегионализма.

На основе широкого определения интеррегионализма Х. Хэнгги выделил следующие его подтипы [Hänggi, 2006: 40].

1. Чистый интеррегионализм — институционализированное взаимодействие между двумя четко идентифицируемыми регионами. В рамках чистого интеррегионализма выделяются следующие три модели.

А. Отношения между двумя региональными интеграционными структурами. Типичными моделями являются отношения ЕС–АСЕАН и ЕС–МЕРКОСУР. В рамках данной модели обе стороны обладают высокой акторностью и региональностью.

Б. Отношения между региональной организацией/форумом и региональной интеграционной группой. Ярким примером такого взаимодействия выступает механизм АСЕМ (Форум «Азия — Европа»; Asia-Europe Meeting, ASEM).

В. Отношения между группами государств из двух регионов, например Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ). Однако необходимо отметить, что такие объединения государств, как правило, не обладают общим директивным органом, координирующим действия своих членов, а это значит, что, являясь главными участниками данной модели межрегионального взаимодействия, они обладают ограниченной региональной акторностью.

2. Квазиинтеррегионализм — отношения между региональной интеграционной организацией / группой региональных государств и отдельной страной другого региона, например Форум «Китай–Африка», сотрудничество ЕС с рядом региональных держав (ЕС–США, ЕС–КНР, ЕС–Бразилия и т.д.). При этом ряд исследователей утверждают, что отношения между регионом и отдельной страной носят неоднозначный характер и при определенных условиях способны скорее препятствовать развитию интеррегионализма, чем содействовать ему [Rignér, Söderbaum, 2010: 2–3]. В то же время другие, особенно западные, ученые подчеркивают, что такая позиция игнорирует ключевую роль, которую отдельные державы играют в межрегиональных отношениях. Например, Чжэн Сяньбу подчеркивает, что некоторые мировые и даже региональные державы иногда могут занимать доминирующее положение в процессе определения

повестки дня для своего региона [Чжэн, 2021: 63]. Наконец, третьи отмечают, что сама дискуссия вокруг роли региональных держав обусловливается излишним вниманием мейнстримных исследований к региональным организациям, рассматриваемым в качестве главных формальных межгосударственных структур [Intersecting interregionalism..., 2014: 5].

3. Трансрегионализм/мегарегионализм⁵ — отношения между отдельными государствами из разных регионов мира, например, в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Эти акторы могут быть членами нескольких интеграционных организаций или групп региональных государств. В рамках трансрегионального сотрудничества акторы действуют скорее как самостоятельные субъекты, а не представители своего региона или определенной его части. Это означает, что по сравнению с моделью чистого интеррегионализма уровень институционализации в случае трансрегионализма будет ниже, а сотрудничество в рамках данной модели чаще всего будет сосредоточено на вопросах «низкой политики» (например, экономических).

Интеррегионализм: функциональные аспекты

Особое внимание следует уделить вопросу о том, какие цели преследуют акторы, обращаясь к инструментам интеррегионализма. На основе исследований Ю. Рюланда и Чжэня Сяньбу мы можем выделить следующие пять основных практик в рамках данного феномена [см. подробнее: Чжэн, 2014; Rüländ, 2006].

1. Баланс сил. Для реалистов и неореалистов военная мощь играет важнейшую роль в обеспечении баланса сил между государствами, однако разрушение биполярной системы серьезно ослабило значение этого фактора в данном процессе, в то время как распространение глобализации и популяризация концепции глобального управления заметно увеличили интерес международных акторов к обеспечению своего благоприятного положения в различных международных институтах. Постепенно институциональный баланс стал ключевым

⁵ В своей статье Х. Хэнги обозначает отношения между отдельными государствами из различных регионов мира термином «мегарегионализм», однако большинство исследователей предпочитают использовать для характеристики подобных взаимосвязей понятие «трансрегионализм» [Чжэн, 2021: 68; Rüländ, 2006: 296], что обуславливает их семантическую эквивалентность в академическом дискурсе.

компонентом концепции баланса сил. С этой точки зрения интеррегионализм предоставляет идеальный инструмент для достижения такого баланса. Например, АСЕАН в 1990-е годы использовала различные механизмы регионального диалога и сотрудничества, такие как АСЕМ и АТЭС, чтобы уравновесить отношения с Китаем, Японией, США и другими крупными странами.

2. Создание различных институтов. Как было отмечено, с традиционной точки зрения институциональность рассматривается как ключевая характеристика интеррегионализма: именно создание и укрепление институтов составляют его важнейшую функцию. Эти процессы чрезвычайно разнообразны и включают: различные формальные договорные системы, такие как соглашения о сотрудничестве и диалоге, соглашения о партнерстве; регулярные мероприятия — саммиты, министерские совещания, встречи высших должностных лиц и форумы гражданского общества, являющиеся «мягкими механизмами диалога»; новые механизмы принятия решений — региональные советы или комитеты и секретариаты, например секретариат АТЭС.

3. Формирование повестки дня. В рамках соответствующих организаций и институтов каждый актор стремится продвигать свои интересы и принижать значимость повестки своих конкурентов [Livingston, 1992: 313]. Неслучайно в современных условиях важность интеррегиональных механизмов для международных акторов резко возросла. Это объясняется тем, что по сравнению с институтами глобального управления (такими как ООН или Всемирная торговая организация) интеррегиональные форматы сотрудничества, предполагая участие ограниченного числа акторов и более высокий уровень их сплоченности, обеспечивают с большей вероятностью достижение договоренностей. Как отмечал М. Райтерер, интеррегиональные механизмы, функционирующие в таком формате, способны детально прорабатывать отдельные проблемные области, заключать межрегиональные соглашения и договоры, тем самым закладывая основу для более масштабных договоренностей и укрепляя систему глобального управления [см. подробнее: Reiterer, 2006: 230–240].

4. Координация интересов. По мнению Р. Кохейна, многосторонние институты могут формировать новые интересы для стран как на национальном, так и на международном уровнях [Keohane, 1984: 290–293]. В этом отношении механизмы интеррегионализма или

трансрегионализма открывают дополнительные возможности для координации политики, что в дальнейшем может привести к появлению общих интересов, отвечающих потребностям всех участников.

5. Формирование региональной идентичности. Конструктивисты подчеркивают, что самоидентификация и позиционирование государств базируются на структуро-акторных и межакторных взаимодействиях [см. подробнее: Wendt, 1999]. Регионализм не обязательно приводит к складыванию особой общности, однако он может вследствие позитивного или негативного взаимодействия между вне-региональными и внутрирегиональными акторами напрямую или косвенно укреплять существующую коллективную идентичность и даже стимулировать формирование новой. Например, в рамках АСЕМ для эффективного взаимодействия с Евросоюзом, обладающим высокой степенью акторности, азиатские государства-участники (в первую очередь страны АСЕАН) демонстрируют тенденцию к выработке совместных мер и инициатив. Данный процесс имплицитно усиливает существующую коллективную региональную идентичность, а в перспективе может стимулировать формирование новых форм коллективной самоидентификации. Х. Хэнгги назвал это «регионализмом через интеррегионализм» [Hänggi, 2003].

Эволюция китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в контексте интеррегионализма

На основе приведенного обзора теоретических наработок в области исследований интеррегионализма представляется целесообразным обратиться к рассмотрению китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества. С точки зрения автора, экономическая политика КНР в отношении этого региона на протяжении последних 20 лет пережила три большие трансформации, каждая из которых заметно изменила характер и функции взаимодействия Пекина с ЦА в экономической сфере.

Сразу после распада СССР КНР начала активно продвигать экономическое сотрудничество с новыми независимыми республиками в Центрально-Азиатском регионе: только торговый оборот с 1992 до 2000 г. возрос на 400% [приводится по: Ван, 2023: 29–30]. Вместе с тем необходимо отметить, что в 1990-е годы Китай не проводил какую-то особую экономическую политику по отношению к региону в целом, экономические контакты базировались на отдельных до-

говорах о двусторонней торговле, главным образом с Казахстаном и Киргизией, а остальные три региональных государства играли минимальную роль в этом процессе.

В тот же период вслед за выходом на глобальный рынок Китай с большим энтузиазмом начал участвовать в ряде институтов межрегионального экономического сотрудничества и достиг значительного прогресса: в 1991 г. КНР стала полноценным членом АТЭС, а в 1994 г. участвовала в первом созыве Регионального форума АСЕАН. С начала XXI в. на фоне ускорения процесса экономической глобализации Пекин проявил еще больший интерес к межрегиональному экономическому сотрудничеству: он не только принимал активное участие в нем, но и попытался играть лидирующую роль в такого рода форматах. Так, в 2000 г. премьер-министр КНР Чжу Жунцзи предложил создать зону свободной торговли (ЗСТ) «Китай–АСЕАН» и получил положительный отклик от стран — членов объединения⁶. Данный пример межрегионального сотрудничества соответствует модели квазиинтеррегионализма.

Успехи на этом направлении побудили Пекин реплицировать данную модель взаимодействия в других регионах, и ЦА стала подходящим для этого «полигоном». КНР выбрала недавно созданную Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)⁷ в качестве институционального инструмента для продвижения экономического интеррегионализма. В декларации о создании ШОС 2001 г. было недвусмысленно сказано: «Будет запущен процесс переговоров по облегчению торговли и инвестиций в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также разработан долгосрочный многосторонний план экономического и торгового сотрудничества»⁸. Статья 3 Хартии ШОС, принятой в 2002 г., прямо предусматривает «содействие созданию благоприятных условий для торговли и ин-

⁶ Zhongguo-dongmeng hezuo shishiyushuju: 1991–2021 [Сотрудничество между КНР и АСЕАН: факты и данные, 1991–2021] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 07.01.2022. Доступ: https://new.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202201/t20220113_10492205.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

⁷ Первоначально у формата ШОС были совсем иные цели: демаркация границы между КНР и Россией, защита китайско-центральноазиатской границы от традиционных и новых вызовов безопасности.

⁸ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 25.11.2025).

вестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий»⁹. В том же году был подписан «Протокол к Меморандуму между правительствами государств — участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций»¹⁰, который утвердил создание механизма встреч министров экономики и торговли государств — членов ШОС, что стало первым официальным институтом экономического сотрудничества между членами объединения [Абдулхалимович, 2014: 19–20]. В 2003 г. инициативы Хартии ШОС в экономической сфере были вновь подтверждены и детализированы в Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС¹¹. В том же году премьер-министр КНР Вэнь Цзябао предложил поэтапно создать ЗСТ в рамках ШОС¹². Другая концепция создания формального экономического института для государств — участников организации была воплощена в проекте Банка развития ШОС, впервые выдвинутом Пекином в 2010 г.¹³ Эти

⁹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/59971/ (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁰ Протокол к Меморандуму между правительствами государств — участников Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.05.2002. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/59971/ (дата обращения: 25.11.2025).

¹¹ Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС // Министерство экономического развития Российской Федерации. Доступ: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://economy.gov.ru/material/file/f2034a49ba5ab9869d83c5a4a6c5de07/programma_shos.DOCX&ved=2ahUKewi4sfvCg5eNAXU8HRAIHrvzFWIQFnoECACQAQ&usq=AOvVaw3PIgim7GRB6_slqg2zWsux (дата обращения: 25.11.2025).

¹² Wenjiabao zhubujianli shanghaihezuozuzhi zimaogu [Вэнь Цзябао: постепенное создание Зоны свободной торговли Шанхайской организации сотрудничества] // Zhongqingbao. 24.09.2003. Доступ: http://zqb.cyol.com/content/2003-09/24/content_739079.htm (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

¹³ Wenjiabao zaicitiyi jianli shanghekaifayinhang [Вэнь Цзябао вновь предложил создать Банк развития ШОС] // Китайская экономическая сеть. 08.11.2011. Доступ: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/201111/08/t20111108_22821628.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

действия Китая наглядно иллюстрируют его стремление к установлению формальных межрегиональных экономических связей со странами — членами ШОС.

Кроме усилий, предпринятых на межправительственном уровне, Пекин также поощрял в тот период участие негосударственных акторов в своей практике экономического сотрудничества в регионе ЦА: в 2005 г. было создано Межбанковское объединение ШОС с привлечением ряда крупных банков, расположенных в странах — членах организации, включая Государственный банк развития Китая, Банк развития Казахстана, Национальный банк Республики Таджикистан и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистана; в 2006 г. был учрежден Деловой совет ШОС, который объединил авторитетных представителей делового сообщества стран-членов в целях расширения экономического сотрудничества в рамках ШОС и установления прямых связей и диалога между предпринимательским и финансовым сообществами государств-участников.

С точки зрения теории интеррегионализма действия КНР в тот период можно было бы трактовать как попытку сформировать в рамках ШОС институт межрегионального экономического партнерства в духе квазиинтеррегионализма. Однако, поскольку в объединении также участвует Россия, которая не является центральноазиатским государством, возникает определенная терминологическая коллизия.

На протяжении длительного времени Китай использовал термин «西域» (Сиюй, Западный край) для обозначения обширного региона, который включал нынешнюю ЦА и Синьцзян. Однако конкретные границы этого региона, равно как и фактическая власть центрального правительства Поднебесной над ним, всегда оставались неясными и неопределенными. Завоевание Казахстана и Средней Азии (т.е. западной части Сиюй) Российской империей и последующая демаркация границы между Китаем и царской Россией разделили Западный край на две части: китайскую территорию (Синьцзян) и российскую (ЦА). Как следствие, западная часть Сиюй (т.е. Центрально-Азиатский регион) стала восприниматься китайскими властями как самостоятельное политическое пространство. Иными словами, регион с тех пор больше не рассматривался как часть сферы китайского культурного влияния, а скорее как территория Российской империи, т.е. как часть чужого, неазиатского мира. Более того,

дальнейшие конфликты внутри Китая, а также китайско-советский раскол в середине XX в. еще глубже укрепили восприятие Пекином региона ЦА как чужого, российского и неазиатского.

Даже после распада Советского Союза это восприятие осталось неизменным: с 1992 г. Департамент по делам СССР и стран Восточной Европы МИД КНР был переименован в Департамент стран Восточной Европы и Центральной Азии. При этом дипломатическое взаимодействие с новыми независимыми государствами ЦА не находилось в ведении Департамента Азии китайского внешнеполитического ведомства, из чего можно сделать вывод, что и тогда правительство КНР не считало регион ЦА типично азиатским. В 2004 г. дипломатическая работа со всеми странами Восточной Европы (за исключением Молдовы) и тремя государствами Прибалтики была переведена в Департамент Европы МИД КНР, в то время как Департамент стран Восточной Европы и Центральной Азии был переименован в Департамент Европы и Центральной Азии. Таким образом, Китай по-прежнему рассматривал ЦА как часть более широкого, евразийского, а не типично азиатского региона. В этой связи представляется, что более корректно было бы изучать китайскую инициативу по созданию межрегионального экономического сотрудничества в рамках ШОС скорее в контексте китайско-евразийских, а не чисто китайско-центральноазиатских отношений.

Это взаимодействие было направлено главным образом на создание институтов, поддержание баланса сил и формирование повестки дня.

В области создания институтов КНР в целом достигла частичного успеха. С одной стороны, Китай успешно содействовал учреждению в рамках ШОС ряда формальных и неформальных механизмов межрегионального экономического сотрудничества: стали проводиться регулярные встречи министров экономики и торговли государств — членов ШОС, а также заседания межправительственных рабочих групп по таможенным, транспортным, финансовым и другим вопросам [Янь, 2021: 87]. Что касается «мягких» институтов, то с 2005 г. в китайском городе Сиане каждые два года проходит Евразийский экономический форум. С другой стороны, ключевая китайская инициатива в области межрегионального экономического сотрудничества — создание ЗСТ ШОС — не была реализована.

Попытка обеспечить баланс сил между региональными и вне-региональными акторами является еще одним важным мотивом продвижения Китаем модели экономического интеррегионализма в отношении Евразии. После андижанских событий 2005 г. США пересмотрели свою центральноазиатскую доктрину: в новом стратегическом видении в отношении ЦА, известном как «Большая Центральная Азия», акценты с вопросов безопасности и распространения демократии были смещены в сторону поддержки региональной экономической интеграции и продвижения межрегионального экономического [Дэ, Цзян, 2013: 78]. В то же время ЕС стал уделять большее внимание энергетическим ресурсам данного региона. Так, в 2006 г., совершив визит в Казахстан, европейский комиссар по вопросам энергетики выразил свою поддержку проекту строительства Транскаспийского трубопровода [см. подробнее: Бальдони, 2019: 1356–1358]. В сложившейся обстановке межрегиональное энергетическое и экономическое сотрудничество в рамках ШОС можно было рассматривать как совместную реакцию КНР и РФ на расширение влияния в ЦА внешних (западных) акторов в целях обеспечения институционального и силового баланса.

Последняя основная функция китайско-евразийского интеррегионализма в рассматриваемый период заключалась в формировании повестки дня. Как показывает анализ, Пекин с момента основания ШОС неизменно акцентировал ее экономическую функцию и активно продвигал создание в ее рамках формальных механизмов и институтов экономического сотрудничества. Это свидетельствует о попытках Китая использовать ШОС как инструмент интеррегионализма для продвижения собственной стратегической линии. Объективно эта задача не была решена в полной мере (проекты создания ЗСТ ШОС и Банка развития ШОС до сих пор остаются нереализованными), однако накопленный опыт помог дальнейшему развитию китайского экономического интеррегионализма. С середины 2000-х годов Китай последовательно формирует механизмы межрегионального экономического сотрудничества с Африкой, арабскими странами, Латинской Америкой, Центральной и Восточной Европой и тихоокеанскими островными государствами. При этом инициатива КНР по созданию Банка развития ШОС в итоге материализовалась в форме Азиатского банка инфраструктурных

инвестиций (АБИИ) — характерного примера трансрегионального финансового института.

В целом в стремлении выйти за рамки традиционных двусторонних экономических взаимодействий в 2001–2012 гг. Пекин попытался создать в рамках ШОС интеррегиональные экономические институты с участием и стран ЦА, и России. Конечной целью этих усилий было формирование ЗСТ с участием всех членов ШОС, т.е. китайско-евразийской ЗСТ. Однако пассивность участников объединения, в особенности РФ, по отношению к этой масштабной инициативе нарушила расчеты Пекина. Вот почему в дальнейшем ему пришлось скорректировать свою стратегию межрегионального сотрудничества.

Китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество в 2013–2022 гг.: переход к трансрегионализму

В конце 2012 г. после смены своего руководства Китай значительно усилил активность в международных делах. В 2013 г. новый председатель КНР Си Цзиньпин представил в Казахстане крупномасштабную инициативу экономического сотрудничества — ЭПШП, в рамках которой региону ЦА отводилась ключевая роль. По мнению китайских ученых, эта инициатива имеет трансрегиональный характер [Ван, 2021: 149–151]. В пользу подобной оценки говорят несколько фактов. Во-первых, к 2023 г. в рамках ЭПШП Китай заключил соглашения о сотрудничестве со 152 странами, представляющими все регионы мира¹⁴, что выходит за рамки чистого интеррегионализма, который обычно ограничивается участием акторов из двух конкретных регионов. Во-вторых, существенно отличаясь от более ранних проектов китайского квазиинтеррегионализма, например ЗСТ ШОС и ЗСТ «Китай–АСЕАН», ЭПШП не направлена на создание механизмов с обязательным характером для участвующих стран. В этом контексте можно заключить, что китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество на платформе ЭПШП действительно

¹⁴ Guojizuzhicanyu yidaiyiluchangyi de zhongdajingzhan yu zhongyaoyiyi [Значительный прогресс и роль международных организаций, участвующих в инициативе «Пояс и путь»] // Zhongguowang. 25.10.2023. Доступ: http://www.china.com.cn/opinion2020/2023-10/25/content_116773056.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

выходит за рамки «Китай–Евразия», активно укрепляя связи ЦА с другими регионами мира.

В руководящем документе ЭППП, опубликованном в 2015 г., заявлено, что Китай собирается продвигать строительство шести основных экономических коридоров, два из которых должны пролегать непосредственно через ЦА¹⁵. Неудивительно в этой связи, что после запуска проекта ЭППП Пекин оперативно сменил инвестиционные приоритеты в регионе. Если в прошлые десятилетия большая часть китайских инвестиций концентрировалась в энергетическом секторе, то теперь на первое место вышла транспортная инфраструктура. Например, в 2012 г. около 85% китайских инвестиций в Казахстане были направлены в энергетический сектор [Поштитч, 2015: 91]. Однако к 2020 г. этот показатель резко снизился до 50%, а инвестиции в сферу транспорта значительно выросли, заняв второе место среди всех китайских инвестиций в этой стране [см. подробнее: Семёнова, Аристова, 2022: 523]. Помимо смены приоритетов наблюдается изменение географии китайских инвестиционных потоков в ЦА. Раньше наибольший интерес у китайских инвесторов вызывал Казахстан из-за его богатых углеводородных запасов, но в связи с укреплением позиций транспортного сектора в структуре экономического сотрудничества по линии «Китай–ЦА» другие страны региона, обладающие геостратегическим значением с точки зрения реализации трансрегиональной инициативы «Пояс и путь», хоть и лишенные внушительных запасов энергетических ресурсов, привлекают не меньше китайских инвестиций.

Приток капитала и технологий из КНР в страны ЦА позволил реализовать ряд важных транспортных проектов в регионе, таких как автодорога «Север–Юг» в Киргизии (2014), железнодорожный участок Вахдат–Яван в Таджикистане (2015) и железнодорожная линия «Ангрен–Пап» в Узбекистане (2016). Эти транспортные и инфраструктурные объекты способствуют развитию новых трансрегиональных торговых маршрутов, проходящих через ЦА, которые были упомянуты в руководящем документе ЭППП 2015 г. Они дали местному бизнесу возможности для более активного экономического сотрудничества со странами Персидского залива и АСЕАН. Напри-

¹⁵ What are six economic corridors under Belt and Road Initiative? // The State Council Information Office. 04.08.2020. Available at: http://english.scio.gov.cn/beltandroad/2020-08/04/content_76345602.htm (дата обращения: 25.11.2025).

мер, производители из Казахстана, используя новый евразийский сухопутный мост, теперь могут отправлять пшеницу по железной дороге в порт Ляньюньган в Китае, а затем доставлять ее во Вьетнам морским путем [см. подробнее: Paradorn, 2022: 94–95]. Реализация этих проектов еще более ярко подсветила новый, трансрегиональный по своей природе характер китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества в рассматриваемый период.

Стоит подчеркнуть: развитие этого сотрудничества вовсе не означало, что Китай отказался от традиционной квазиинтеррегиональной инициативы с участием стран ЦА и России. В 2015 г. было подписано «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути»¹⁶. Его основные положения включали: расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, развитие производственной кооперации, реализацию крупных совместных проектов и укрепление логистической взаимосвязанности.

Документ также зафиксировал долгосрочную цель — создание ЗСТ между ЕАЭС и Китаем. Примечательно, что задачи, поставленные в совместном заявлении, почти полностью повторяют положения Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС 2003 г. Еще более показательно, что после 2015 г. дискуссии о ЗСТ в рамках ШОС в китайских академических и политических кругах практически исчезли. Это позволяет предположить, что в определенной степени идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП стала продолжением и заменой инициативы ЗСТ ШОС.

В 2018 г. эта идея была частично реализована: Китай и ЕАЭС заключили Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве¹⁷. Несмотря на то что документ не является соглашением о преференциальной торговле и не снижает таможенные тарифы между

¹⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁷ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. Доступ: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

сторонами, он предусматривает сокращение нетарифных барьеров. Данное соглашение ознаменовало прорыв в институциональном строительстве: согласно документу стороны обязались создать Совместный комитет в составе члена Коллегии Евразийской экономической комиссии и китайских представителей на уровне министра или уполномоченных лиц. В функции комитета входят рассмотрение вопросов, регулируемых Соглашением, и изучение возможностей для углубления торгового сотрудничества. Это первый в истории случай установления Китаем формальных институциональных связей с региональной интеграционной организацией в Евразии.

По мере того как трансрегионалистская модель постепенно становится основной парадигмой экономического сотрудничества Китая и ЦА, ее функционал с точки зрения теории интеррегионализма также претерпевает существенные изменения. Самое главное отличие состоит в том, что важность функции силового балансирования значительно уменьшилась. Это было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, после вывода американского контингента из Киргизии в 2014 г. США значительно ограничили свое военное присутствие в ЦА, что считалось потенциальным вызовом для безопасности северо-западных районов Китая. На фоне обновления своих стратегических приоритетов администрация Б. Обамы также стала уделять меньше внимания проекту «Большой Центральной Азии». Во-вторых, падение цен на нефть и газ с 2008 г., а также развитие Трансанатолийского газопровода привели к снижению интереса ЕС к созданию Транскаспийского газопровода. В этих условиях Пекин перестал рассматривать обеспечение баланса сил как центральный элемент стратегии трансрегионализма в ЦА.

Кроме того, в этот период также наблюдался процесс переопределения стратегических политических и экономических приоритетов самих стран региона. Примером этого является запуск в 2014 г. проекта «Нұрлы Жол» («Светлый путь») в Казахстане — вскоре после представления Китаем инициативы ЭПШП. В рамках реализации указанного проекта Казахстан обязался вложить 30 млрд долл. в транспортную инфраструктуру в течение 10 лет с целью превратить страну в ключевой транспортно-транзитный узел, соединяющий Китай, Европу и Ближний Восток [Семёнова, Аристова, 2022: 525; Янь, Бельгибаев, 2016: 37]. Следует подчеркнуть, что цели плана «Нұрлы Жол» вполне соответствуют роли, отведенной странам ЦА в рамках

осуществления китайской инициативы ЭПШП. При этом остальные региональные игроки также представили собственные проекты в области модернизации национальной транспортной инфраструктуры. Таким образом, через совместное участие в механизмах трансрегионального экономического сотрудничества ЭПШП Китай и страны ЦА формируют новые общие экономические интересы.

**Китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество
после начала СВО:
возвращение к интеррегионализму**

Вооруженный конфликт между Украиной и Россией среди прочего оказал негативное влияние на китайскую трансрегиональную инициативу ЭПШП, причем ее флагманская программа в области грузовых перевозок по маршруту «Китай–Европа» понесла наибольшие убытки. В 2022 г. объем грузовых перевозок между Китаем и Европой уменьшился на 33,59% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 410 520 ДФЭ¹⁸, а более 90% грузовых рейсов проходят через территорию Казахстана¹⁹. Падение объема грузооборота на этом направлении также привело к снижению энтузиазма стран ЦА по созданию нового глобального логистического центра. Кроме того, угроза вторичных санкций против государств региона, который тесно связан с РФ, также возрастает²⁰. На этом фоне для КНР и стран ЦА митигация политических рисков в контексте интеррегионального экономического сотрудничества приобрела новую актуальность.

С момента начала конфликта на Украине были активизированы поиски альтернативного сухопутного транспортного маршрута (в обход России). Так, внимание заинтересованных сторон сразу же

¹⁸ Bachmann J. ERAI data shows decline in rail freight between China and Europe in 2022 // New Silkroad Discovery. 16.02.2023. Available at: <https://www.newsilkroaddiscovery.com/erai-data-shows-decline-in-rail-freight-between-china-and-europe-in-2022/> (accessed: 25.11.2025).

¹⁹ Guojing hasakesitan de zhonggoubanlie kaixingshulian zhujianzengjia, xianluzhujianzengduo [Количество грузовых поездов, следующих по маршруту «Китай—Европа» транзитом через Казахстан, увеличивается из года в год, и данный маршрут постепенно расширяется] // Pishuwang. 17.07.2023. Доступ: <https://www.pishu.cn/psgd/595548.shtml> (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

²⁰ Huang H. Central Asia facing uncertainty of trading with Moscow // Modern Diplomacy. 31.10.2023. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/31/central-asia-facing-uncertainty-of-trading-with-moscow/> (accessed: 25.11.2025).

привлек Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) — коридор, соединяющий Китай и европейские страны через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан и Грузию. Стоит отметить, что изначально Китай проявлял минимальный интерес к этому коридору: ТМТМ был официально открыт в 2017 г., первые китайские грузы достигли Европы по этому пути только в 2020 г.²¹, а грузооборот этого транспортного маршрута оказался несопоставим с Китайско-европейским железнодорожным экспресом, проходящим через Россию. Согласно статистическим данным за 2022 г. объем грузоперевозок по ТМТМ увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2021 г. и достиг 1,5 млн тонн, при этом тенденция к росту сохранилась и в 2023 г.²²

Не меньший интерес вызывает и то обстоятельство, что в последнее время Китай начал проводить новую квазиинтеррегиональную политику по отношению к центральноазиатским государствам, но без России. Так, в мае 2023 г. в китайском городе Сиане состоялся первый саммит в формате «Китай–ЦА» с участием глав всех стран региона. По итогам мероприятия были достигнуты конкретные результаты. Например, участники согласились содействовать реализации проекта создания транспортного коридора «Китай–ЦА», активизировать работы по строительству железнодорожного маршрута «Китай — Киргизия — Узбекистан»²³ и проводить регулярные встречи между представителями КНР и стран ЦА на уровне профильных министров²⁴.

²¹ Kualihaiguojiyunshuzoulang jizhuangxiangbanlie zhengshiyunxing [Официально запущена линия регулярных контейнерных перевозок по Транскаспийскому международному транспортному коридору] // Казахстанское международное информационное агентство. 15.04.2020. Доступ: https://cn.inform.kz/news/article_a3638580/ (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

²² Резкий рост. Казахстан заявляет, что объем грузоперевозок на ТМТМ вырос на 86 процентов // Trans.info. 07.09.2023. Доступ: <https://trans.info/ru/rezkiy-rost-kazahstan-zayavlyaet-cto-obem-gruzoperevozok-na-tmtm-vyros-na-86-protsentov-362361> (дата обращения: 25.11.2025).

²³ Данный проект был предложен еще в 1997 г., но в течение более двух десятилетий оставался на бумаге. Китайские исследователи едины во мнении, что одним из ключевых препятствий было противодействие со стороны России. После 2022 г. проект неожиданно получил новый импульс и вступил в фазу строительства в 2024 г.

²⁴ Zhongguo — zhongyafenghui xianxuanyan [Сианьская декларация на саммите «Китай — Центральная Азия»] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 19.05.2023. Доступ: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения: 25.11.2025). (На кит. яз.)

При этом Россия, которая раньше всегда считалась неотъемлемым элементом китайско-центральноазиатского межрегионального сотрудничества, в контексте запуска и реализации перечисленных проектов упомянута не была. Вместе с тем игнорирование российского фактора в рамках китайско-центральноазиатского экономического взаимодействия совсем не означает, что КНР и региональные игроки взяли курс на сворачивание экономических контактов с РФ. Наоборот, с 2022 г. объем их совокупного торгового оборота с Россией значительно вырос: товарооборот между ней и странами ЦА в 2022 г. увеличился на 15% по сравнению с предыдущим годом, а взаимный товарооборот в том же году — на 29,3%²⁵. В целом на современном этапе Пекин предпочитает параллельно укреплять экономические связи с регионом ЦА и с РФ, не сводя их к сотрудничеству в китайско-евразийском формате, как это было на первых двух этапах развития политики интеррегионализма КНР. Таким образом, сущностью китайско-центральноазиатского экономического взаимодействия в последнее время является квазиинтеррегиональное сотрудничество по линии «КНР–ЦА».

С точки зрения функциональных аспектов на первый план в современном китайско-центральноазиатском интеррегиональном экономическом сотрудничестве вышли вопросы развития центральноазиатской региональной идентичности. Это объясняется тем, что в рамках новых квазиинтеррегиональных механизмов (в первую очередь саммита «Китай–ЦА») страны региона могут выступать как самостоятельный актор международных отношений во взаимодействии с Китаем, а не как совокупность отдельных государств. Другими словами, центральноазиатские страны в этом контексте рассматриваются Китаем как независимый международный регион со своей субъектностью, а не просто как составная часть Евразийского региона.

Если китайско-центральноазиатское межрегиональное экономическое сотрудничество будет и далее приносить выгоды обеим сторонам, можно предположить, что центральноазиатская региональная идентичность может быть интериоризирована элитами

²⁵ Ткачёв И. Торговля России с Китаем достигла рекорда // РБК. 13.01.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2023/63c0ffb79a79474aaf45862d> (дата обращения: 18.11.2025); Товарооборот России и стран Центральной Азии вырос в 2022 году на 15% // ТАСС. 25.04.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/17600953> (дата обращения: 18.11.2025).

стран — участниц данной рамки сотрудничества. Это в свою очередь создаст предпосылки для дальнейшей диффузии центральноазиатской региональной идентичности внутри национальных политических систем государств региона.

* * *

Проведенное исследование показывает, что в течение последних 25 лет Китай активно пытался создать механизмы интеррегионального экономического сотрудничества с центральноазиатскими государствами, выходящего за рамки традиционного уровня двусторонних отношений. При этом предлагаемые Китаем модели претерпели существенную эволюцию: в начале XXI столетия КНР предприняла попытку сформировать в рамках ШОС квазиинтеррегиональный экономический механизм с участием стран ЦА и России (в формате «Китай–Евразия») — его ядром должны были стать формальные институты экономического сотрудничества, такие как ЗСТ и Банк развития в рамках ШОС. Однако отсутствие значительного прогресса в реализации этих инициатив привело к смене стратегии: с 2013 г. Китай стал рассматривать регион ЦА как компонент реализации трансрегиональной инициативы ЭПШП. В новой парадигме акцент сместился с создания жестких институтов (например, ЗСТ) на повышение региональной связанности ЦА, ее подключение к глобальному рынку, а не только к китайскому. Обострение российско-украинского конфликта в 2022 г. и сопутствующие геополитические риски открыли новые возможности для китайско-центральноазиатского сотрудничества. Своеобразной реакцией на эти вызовы стало учреждение эксклюзивного квазиинтеррегионального формата «Саммит Китай — Центральная Азия» (C5+1) без участия третьих сторон. Данный механизм стал ключевым инструментом консолидации региональной идентичности стран ЦА и укрепления акторности региона в международных отношениях.

Колебания Китая между различными субтипами интеррегионализма отражают важную характеристику его интеррегиональной политики, а именно — гибкость. В рамках почти 25-летней практики межрегионального экономического взаимодействия со странами ЦА Пекин не продемонстрировал выраженных предпочтений в отношении какой-либо конкретной модели интеррегионализма. Когда китайская инициатива по созданию интеррегиональной ЗСТ с обязательным правовым статусом не получила поддержки, Пекин

отказался от настойчивого ее продвижения, выбрав вместо этого модель трансрегионального сотрудничества, отличающуюся меньшей степенью институционализации и менее жесткими обязательствами.

В ходе исследования не было также зафиксировано попыток выдвигания китайской стороной в рамках развития интеррегионального экономического сотрудничества со странами ЦА предварительных условий политического или идеологического характера, таких как соблюдение законности, защита прав человека, укрепление демократических институтов, эффективное управление. Данные условия являются отличительной чертой интеррегионального взаимодействия ЕС с группами развивающихся стран [Чжэн, 2015: 190–191].

Указанные особенности китайской практики служат убедительным доказательством рационалистического характера китайского интеррегионализма, ориентированного на национальные интересы. Это полностью соответствует стратегии прагматизма, последовательно реализуемой Китаем на международной арене с момента провозглашения «политики реформ и открытости».

Наконец, проведенное исследование показывает, что все основные функциональные аспекты, постулируемые теорией интеррегионализма (баланс сил, создание институтов, формулирование повестки дня, координация интересов и формирование региональной идентичности), нашли отражение на различных этапах китайско-центральноазиатского интеррегионального экономического сотрудничества под эгидой КНР. Это свидетельствует о сохраняющейся объяснительной силе теоретической рамки интеррегионализма и при анализе внеевропейских межрегиональных взаимодействий. Однако, учитывая растущую активность неевропейских акторов в продвижении собственных интеррегиональных повесток, дальнейшая верификация теоретической конструкции интеррегионализма требует расширения эмпирической исследовательской базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулхалимович А.М. Экономические институты ШОС // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 2 (40). С. 19–24.
2. Бальдони М. Транскаспийский газопровод — реальные возможности или бесконечные обещания? // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1355–1363.
3. Ван Х. Чжунго юй чжунъягоця цзинмао хэцзо саньшинянь чэнцзю юй цяньцзин [30 лет экономического сотрудничества между КНР и стра-

нами Центральной Азии: достижения и перспектива] // Оуяцзинцзи. 2023. № 4. С. 26–53. (На кит. яз.)

4. Ван Ч. Чжиду юй гуйфань бицзяо шие ся чжунъя цюй юй итихуа яньцзю [Региональная интеграция в Центральной Азии с точки зрения сравнительного регионализма]. Пекин: Шэхуэйкэсюэвэньсянь чубаньшэ, 2021. (На кит. яз.)

5. Дэ Ц., Цзян Ш. Мэй го да чжунъя ань цюань чжань люэ гуй хуа пин си [Анализ американской стратегии по обеспечению безопасности в «Большой Центральной Азии»] // Элосыдунъюучжунъя Яньцзю. 2013. № 1. С. 76–83. (На кит. яз.)

6. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2. С. 14–26.

7. Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 3. С. 85–103. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-85-103.

8. Семёнова Н.К., Аристова Л.Б. Анализ степени интегрированности китайских компаний в транспортный сектор государств Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 523–529.

9. Сюй Ц. Формат сотрудничества C5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 123–132. DOI: 10.17223/19988613/89/15.

10. Чжэн С. Цюйюй цзянь чжилимоши [Модель регионального управления]. Пекин: Шэхуэйкэсюэвэньсянь чубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)

11. Чжэн С. Цюйюй цзянь чжилимошилуньси [Исследование о интеррегиональном управлении] // Шицзеци зиюйчжэнчжи. 2014. № 11. С. 91–120. (На кит. яз.)

12. Чжэн С. Цюйюйчжили юй цюаньцючжили худунчжундэдагоцзюэсэ [Роль великих держав в региональном и глобальном управлении] // Таньсоуйчжэнмин. 2021. № 11. С. 57–69. (На кит. яз.)

13. Янь Д. Шанхайхэцзоцзучжицзинцихэцзо чэнцзю циши юй цяньцзин [Экономическое сотрудничество ШОС: достижения, вдохновения и перспективы] // Гоцзивэньти яньцзю. 2021. № 3. С. 85–106. (На кит. яз.)

14. Янь Ш., Бельгибаев М. Чжунго идайиюй хэ хасакэсытань гуанминчжилу дуйцзехэцзо дэ яньцзю [Исследование по сопряжению ЭПШП и Нурлы Жол] // Гоцзицинцихэцзо. 2016. № 6. С. 36–40. (На кит. яз.)

15. Doidge M. The European Union and interregionalism: Patterns of engagement. London: Routledge, 2011.

16. Цзян Н. Interregionalism as a multifaceted phenomenon: In search of a typology // Interregionalism and international relations / Ed. by H. Hänggi, R. Roloff, J. Rüländ. Abingdon: Routledge, 2006. P. 31–62.

17. Hänggi H. Regionalism through interregionalism: East Asia and ASEM // *Regionalism in East Asia: Paradigm shifting?* / Ed. by Fu-kuo Liu, Ph. Régnier. London: Routledge, 2003. P. 197–219.
18. Hettne B. Interregionalism and world order / Fifth Pan-European International Relations Conference, Netherlands Congress Centre, the Hague, September 9–11, 2004.
19. Hettne B. Regionalism, interregionalism and world order: The European challenge to Pax Americana: Working paper № 3. American University Council on Comparative Studies, 2003.
20. Intersecting interregionalism: Regions, global governance and the EU / Ed. by F. Baert, T. Scaramagli, F. Söderbaum. Dordrecht: Springer, 2014.
21. Keohane R.O. After hegemony: Cooperation and discord in world political economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.
22. Livingston S.G. The politics of international agenda-setting: Reagan and North-South relations // *International Studies Quarterly*. 1992. Vol. 36. No. 3. P. 313–329. DOI: 10.2307/2600775.
23. Paradorn R. Central Asia and Southeast Asia exploring the dynamics of greater engagement. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
24. Reiterer M. Interregionalism as a new diplomatic tool: The EU and East Asia // *European Foreign Affairs Review*. 2006. Vol. 11. P. 223–243. DOI: 10.54648/EERR2006018.
25. Ribeiro Hoffmann A. Inter- and transregionalism // *The Oxford handbook of comparative regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 223–243.
26. Rignér H., Söderbaum F. Mapping interregionalism: Working paper № 4. Bruges: UNU-CRIS, 2010. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%204.pdf> (accessed: 25.11.2025).
27. Rüländ J. Interregionalism: An unfinished agenda // *Interregionalism and international relations* / Ed. by H. Hänggi, R. Roloff, J. Rüländ. Abingdon: Routledge, 2006. P. 295–313.
28. Söderbaum F. Rethinking regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2016.
29. Söderbaum F., Langenhove L.V. Introduction: The EU as a global actor and the role of interregionalism // *Journal of European Integration*. 2005. Vol. 27. No. 3. P. 249–262. DOI: 10.1080/07036330500190073.
30. Wendt A. Social theory of international politics. New York: Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

1. Abdulkhalimovich A.M. 2014. Ekonomicheskie instituty ShOS [Economic institutes of SCO]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no. 2 (40), pp. 19–24. (In Russ.)
2. Bal'doni M. 2019. Transkaspiskii gazoprovod — real'nye vozmozhnosti ili beskonechnye obeshchaniya? [Transcaspian Gas Pipeline — Real opportunities or endless promises?]. *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 2, no. 6, pp. 1355–1363. (In Russ.)
3. Van Kh. 2023. Chzhungo yui chzhun'yagotszya tszinmao khehtszo san'shinyan' chehtszyu yui tsyan'tszin [30 years of economic cooperation between China and Central Asian countries: Achievements and prospects]. *Ouyatsintsi*, no. 4, pp. 26–53. (In Chinese)
4. Van Ch. 2021. Chzhidu yui guifan' bitszyao shie sya chzhun'ya tsyui yui itikhua yan'tszyu [Regional integration in Central Asia through the lens of comparative regionalism]. Pekin, Shehkhuehikehsyuehvehn'syan' chuban'sheh Publ. (In Chinese)
5. Deh Ts., Tszyan Sh. 2013. Mehi go da chzhun'ya an' tsyuan' chzhan' lyueh gui khua pin si [An analysis of the American strategy for ensuring security in 'Greater Central Asia']. *Ehlosydun'ouchzhun'ya Yan'tszyu*, no. 1, pp. 76–83. (In Chinese)
6. Kuznetsov D.A. 2016. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii [Transregionalism: Problems of terminology and conceptualization]. *Comparative Politics Russia*, vol. 7, no. 2, pp. 14–26. (In Russ.)
7. Poshtich M. 2015. Sravnitel'nyi analiz energeticheskoi strategii KNR v otnoshenii stran Tsentral'noi Azii [Comparative analysis of China's energy strategy in Central Asian states]. *Comparative Politics Russia*, vol. 6, no. 3, pp. 85–103. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-85-103. (In Russ.)
8. Semenova N.K., Aristova L.B. 2022. Analiz stepeni integrirovannosti kitaiskikh kompanii v transportnyi sektor gosudarstv Tsentral'noi Azii [Analysis of the degree of integration of Chinese companies into the transport sector of Central Asian states]. In: Gerasimov V.I. (ed.). *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., pp. 523–529. (In Russ.)
9. Syui Ts. 2024. Format sotrudnichestva C5+1: osnovnye uchastniki, tseli i mekhanizmy vzaimodeistviya [C5+1 cooperation format: Main participants, goals and mechanisms of interaction]. *Tomsk State University Journal of History*, no. 89, pp. 123–132. DOI: 10.17223/19988613/89/15. (In Russ.)
10. Chzhehn S. 2015. Tsyuiyui tszyan' chzhilimoshi [Model of regional governance]. Pekin, Shehkhuehikehsyuehvehn'syan' chuban'sheh Publ. (In Chinese)

11. Chzhehn S. 2014. Tsyuiyui tszyan' chzhilimoshilun'si [Research on interregional governance]. *Shitszetszi ziyuichzhchnchzhi*, no. 11, pp. 91–120. (In Chinese)
12. Chzhehn S. 2021. Tsyuiyuchzhili yui tsyuan'tsyuchzhili khudunchzhundehdagotszyuehseh [The role of great powers in regional and global governance]. *Tan'soyuichzhchnmin*, no. 11, pp. 57–69. (In Chinese)
13. Yan' D. 2021. Shankhaikhehtszotszuchzhitszintzikhehtszo chehntszyu tsishi yui tsyan'tszin [SCO economic cooperation: Achievements, inspirations and prospects]. *Gotszivehn'ti yan'tszyu*, no. 3, pp. 85–106. (In Chinese)
14. Yan' Sh., Bel'gibaev M. 2016. Chzhungo idaiiyui kheh khasakehsytan' guanminchzhilu duitszekhehtszo deh yan'tszyu [A study on the conjugation of the Belt and Road Initiative and Nurlu Zholl]. *Gotszitszintzikhehtszo*, no. 6, pp. 36–40. (In Chinese)
15. Doidge M. 2011. *The European Union and interregionalism: Patterns of engagement*. London, Routledge.
16. Hänggi H. 2006. Interregionalism as a multifaceted phenomenon: In search of a typology. In: Hänggi H., Roloff R., Rüländ J. (eds.). *Interregionalism and international relations*. Abingdon, Routledge, pp. 31–62.
17. Hänggi H. 2003. Regionalism through interregionalism: East Asia and ASEM. In: Liu Fu-kuo, Régnier Ph. (eds.). *Regionalism in East Asia: Paradigm shifting?* London, Routledge, pp. 197–219.
18. Hettne B. 2004. Interregionalism and world order. In: *Fifth Pan-European International Relations Conference, Netherlands Congress Centre, the Hague, September 9–11*.
19. Hettne B. 2003. *Regionalism, interregionalism and world order: The European challenge to Pax Americana: Working paper no. 3*. American University Council on Comparative Studies.
20. Baert F., Scaramagli T., Söderbaum F. (eds.). 2014. *Intersecting interregionalism: Regions, global governance and the EU*. Dordrecht, Springer.
21. Keohane R.O. 1984. *After hegemony: Cooperation and discord in world political economy*. Princeton, Princeton University Press.
22. Livingston S.G. 1992. The politics of international agenda-setting: Reagan and North-South relations. *International Studies Quarterly*, vol. 36, no. 3, pp. 313–329. DOI: 10.2307/2600775.
23. Paradorn R. 2022. *Central Asia and Southeast Asia exploring the dynamics of greater engagement*. Cham, Palgrave Macmillan.
24. Reiterer M. 2006. Interregionalism as a new diplomatic tool: The EU and East Asia. *European Foreign Affairs Review*, vol. 11, pp. 223–243. DOI: 10.54648/EERR2006018.
25. Ribeiro Hoffmann A. 2016. Inter- and transregionalism. In: Börzel T.A., Risse T. (eds.). *The Oxford handbook of comparative regionalism*. Oxford, Oxford University Press, pp. 223–243.

26. Rignér H., Söderbaum F. 2010. *Mapping interregionalism: Working paper no. 4*. Bruges, UNU-CRIS. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%204.pdf> (accessed: 25.11.2025).

27. Rüländ J. 2006. Interregionalism: An unfinished agenda. In: Hänggi H., Roloff R., Rüländ J. (eds.). *Interregionalism and international relations*. Abingdon, Routledge, pp. 295–313.

28. Söderbaum F. *Rethinking regionalism*. London, Palgrave Macmillan, 2016.

29. Söderbaum F., Langenhove L.V. 2005. Introduction: The EU as a global actor and the role of interregionalism. *Journal of European Integration*, vol. 27, no. 3, pp. 249–262. DOI: 10.1080/07036330500190073.

30. Wendt A. 1999. *Social theory of international politics*. New York, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.11.2025;
принята к публикации 17.12.2025

The paper was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 12.11.2025;
accepted for publication 17.12.2025